

f

В.И. ТАТАРЧУК

Слово для ответного доклада Председателю Партии Егору Тимуровичу Гайдару.

Е.Т. ГАЙДАР

Дорогие друзья!

Наша Партия была создана чуть больше 2-х лет тому назад. За этот период, нелегкий для нашей страны и для нашей Партии, у нее были и свои победы, и свои поражения, и удачи, и немало ошибок, ошибок кадровых, пропагандистских, организационных, я думаю, что выступающие коллеги об этом скажут. Я сегодня хотел бы остановиться на пяти, на мой взгляд, принципиальных вопросах. Это на главных политических итогах двух лет последней работы, о сути нового этапа социально-экономического развития России, в который мы сегодня вступили, об отношении нашей Партии к Правительству, нынешнему составу Государственной Думы, о важнейших направлениях фактической работы Партии и наконец на вопросах политических союзов.

Итак, главные политические итоги последних двух лет работы ДВР.

Мы создавали нашу партию в 1994 году летом, когда еще отнюдь не всем в России было понятно, насколько серьезной является угроза коммунистического реванша, насколько высоко поднимется волна, способная захлестнуть нестойкие еще, очень молодые ростки демократии и рынка, которые к тому времени сформировались в России.

В 1994 году очень многие говорили, что коммунистическая угроза это наша выдумка, то, чем мы пугаем людей, что такой угрозы не существует, что на самом деле серьезная борьба развернется вокруг того, что из демократов самый лучший. Мы тогда очень хорошо понимали, насколько угроза серьезна. И по существу для периода в развитии социалистической революции в России между 1993 и 1996 гг. , я убежден, главным политическим вопросом был именно этот: удастся ли нам сохранить ростки демократических и рыночных преобразований или боль от краха старого режима, от неизбежно болезненных преобразований проложит дорогу новому коммунистическому эксперименту. По существу именно данный диагноз ситуации определял всю работу ДВР на протяжении первых двух лет. Именно потому, что мы четко представляли себе реальности масштаба коммунистической угрозы, мы столкнулись сразу с очень жесткой и неприятной альтернативой: если угроза серьезна и реальна, что мы должны делать? Мы должны пытаться улучшить свой образ в глазах избирателей? Или мы должны сделать все возможное для того, чтобы улучшить жизнь избирателей? Мы должны попытаться дистанцироваться в

максимальной степени от власти, чтобы, не дай Бог, на нас не упали брызги неприятностей, ее ошибки или мы должны сделать все возможное для того, чтобы влиять на власть, для того, чтобы ошибок было меньше, для того, чтобы медленно, но все-таки неуклонно рынок и частная собственность в России стабилизировались?

Причем, было понятно, что второй выбор очень непростой: наши позиции во власти к этому времени были отнюдь не слишком почными и сильными. Сама эта власть делала кучу ошибок и очень во многом делала то, что мы не могли ни поддержать, ни одобрить. Именно поэтому тогда мы приняли решение, неоднократно обсуждая его, что в создавшейся ситуации для нас единственно приемлемым решением является попытка в максимальной степени цивилизовать власть, в максимальной степени в диалоге с властью сделать все возможное для стабилизации рыночных механизмов в России.

Именно этим мы занимались большую часть этого периода, именно это было стержнем работы нашей фракции в Государственной Думе.

Именно потому наша фракция костыми ложилась на дороге популистских и безответственных экономических решений, именно потому без нашей фракции, конечно, невозможно было бы принятие бюджета 1995 года и обеспечение базы для финансовой стабилизации. Конструктивная работа с правительством по подготовке рыночного законодательства и одновременно, естественно, делая все это, мы постоянно брали на себя ответственность за все беды, с которыми сталкивается общество, за все прегрешения власти.

Вспомните, в прошлой гуме не было депутатской группы, не было фракции, которая в такой степени, как мы, вынуждена была бы нести ответственность за все, что делает власть, причем в высшей степени имея ограниченные возможности на нее влиять.

Я думаю, что последние два года подтвердили, что наш выбор стратегически был правильным, он дорого нам обошелся тактически. Да, конечно, это правда. Думаю, что поражение на выборах в Государственную Думу, если отвлечься от существе-ных, но все же деталей, в колоссальной степени связано именно с этим выбором, именно тем, что мы брали на себя ответственность за действия власти, не имея на нее должного влияния. И вместе с тем именно то, что все-таки к 1996 году н удалось подойти с низкой инфляцией, начавшимся снижением доли бедных в численности населения, начавшимся снижением показателей дифференциации доходов, начавшимся ростом продолжительности жизни, начавшимся сокращением преступности - все эти очень еще слабенькие признаки стабилизации в колос-сальной степени сказались на принципиальном результате 1996 года, на том, что коммунистического рванша все же не состоялось.

Очень серьезным вопросом для нас на протяжении этих двух лет стала чеченская война, именно она стала поводом для, может быть, самого тяжелого кризиса, который пережила на сегодняшний день наша партия, внутреннего размежевания, причиной того, что многие наши единомышленники, создававшие

с нами эту партию, по этому принципиальному вопросу разошлись с ДВР.

Я напомним, что в 1994 г. мы очень точно поставили диагноз того, что будет, если, не дай Бог, встать в решении чеченского вопроса на военный путь. Все, что происходило на протяжении следующего года и 9 месяцев, просто строго подтверждало худшие наши прогнозы. Перечитав сегодня наши заявления, выступления, обсуждения, все, что мы говорили, все, о чем мы предупреждали, все так и получилось, только еще хуже.

Точно так же мы в декабре 1994 г. предлагали доначала войны, до того, как были принесены в жертву десятки тысяч жизней, моральный авторитет России, огромные финансовые издержки, предлагали именно тот вариант, который в конце-концов после двух лет войны и был принят - вариант отсрочки вопроса о статусе Чечни, вариант временного соглашения, который позволяет открыть дорогу постепенному урегулированию этого вопроса. Тогда это решение не было принято российскими органами власти, за это мы очень дорого заплатили

Чеченская война поставила нас тоже перед очень неприятным выбором. Понимая, чем это обернется, какой это обернется бедой и кровью, мы не могли позволить себе молчать. Мы не могли закрыть глаза на все происходящее, сделать вид, что этого не бывает, что этого не происходит. Мы, будучи либеральной партией,, обязаны были максимально жестко выступить против войны в Чечне. И вместе с тем, делая это, мы знали, что такая

позиция неизбежно приведет к расколу коалиции демократии и партии власти, неизбежно приведет к сокращению нашей возможности влиять на власть, к расколу в самой ДВР, к формированию другой партии власти, иначе ориентированной. Все это так и произошло, результатом этого стало в конце-концов и создание "нашего Дома России", к которому перешла часть наших бывших единомышленников.

Но я убежден : в вопросе о войне и мире, в вопросе, от которого зависят десятки тысяч человеческих жизней, у нас не было другого достойного выхода, мы не могли занять другую позицию. И я рад тому, что наши коллеги, единомышленники, члены нашей партии работали в Чечне, делали все возможное для того, чтобы спасти людей, добиваться обмена пленными, помогли спасти сотни жизней и в Буденновске. Я считаю, что та позиция, которую заняла партия по чеченскому вопросу, была позицией абсолютно правильной , достойной, а значит и стратегически верной, вне зависимости от того, насколько дорого она нам обошлась в тактике.

Тяжелым решением для ДВР, политическим решением, решением, которое мы принимали на основе длинной дискуссии, был вопрос о позиции на президентских выборах. Да, мы хорошо видели недостатки нынешней власти, это для нас не было секретом, мы хорошо видели ответственность нынешней власти за многое из того, что происходит в России, в т.ч. за крайне негативные процессы. Мы понимали, что вокруг Президента, особенно в тот момент, когда принималось это решение, очень много людей на редкость далеких от идеалов демократии и стабильного, справедливого развития России, просто малопорядочных .

И вместе с тем я убежден, что то решение, к которому мы пришли, несколько злооздало, чем это было нужно, но все-таки пришли было единственно правильным. Именно потому, что главный вопрос все-таки состоял в том, удастся ли остановить коммунистический реванш в России. И весной 1996 года нам стало ясно, что единственная возможность сделать это – это создать коалицию партии власти и демократии – это поддержать нынешнего президента Ельцина, при всех его недостатках. Мы сделали это открыто, честно, не закрывая глаза на все недостатки нынешней власти. Убежден, что это было правильное решение.

Таким образом, если не вдаваться в детали, я считаю, что на протяжении последних двух лет у нас была одна ключевая стратегическая победа и одно стратегическое поражение. Ключевая победа – это то, что мы совместными усилиями внесли немалый вклад в то, чтобы коммунистический реванш в России не состоялся., наше самое серьезное поражение – поражение в борьбе за характер того капитализма, который требуется России.

Мы всегда хотели добиться того, чтобы этот капитализм был зободным, либеральным, устойчивым, социально справедливым. К сожалению, с 1992 года чем дальше, тем больше становилось ясно, что тяжелое социалистическое наследие все больше толкает развитие этого капитализма в сторону капитализма вороватого, коррумпированного, предельно социально несправедливого, а значит неустойчивого.

II

Вот здесь, в борьбе по этим параметрам, по этим направлениям, к сожалению, мы терпели тяжелое поражение, и результатом этих поражений стало то, что стабилизировавшийся сегодня капитализм, в борьбе за который мы отпали столько сил, меньше всего, может быть, нравится нам самим.

В некотором смысле 3 июля 1996 года - это точка в истории ДВР, в том виде, в котором он был создан. Вообще говоря, ДВР можно было бы 4 июля распустить. Сказав, что она выполнила свою главную историческую задачу, для чего ее создавали, она обеспечила устойчивость рынка в России, она внесла свой вклад в то, чтобы коммунистического реванша не состоялось и в общем, теперь перед нами стоят новые задачи, они предполагают существенное изменение приоритетов, работы, структур, может быть, лидера. И кстати говоря, я абсолютно не исключаю того, что для нового этапа, принципиально нового этапа, когда возникли совершенно другие задачи, которые будут определять суть политического развития России ближайших лет, может быть, десятилетий, нам действительно потребуются и новые структуры, и новые союзы, и новый лидер. Независимо от того, как будут называться политические организации, которые будут решать эти задачи, кто будет их возглавлять, задачи-то эти совершенно ясны. Именно они определяют приоритеты, определяют логику действий, именно они определяют союзы, на которые может и должна идти либеральная партия.

Давайте с этой связью попытаемся понять, что же теперь, когда совершенно очевидно, угроза коммунистического реванша

если не исчезла полностью, то явно отошла на второй план в политике, что же теперь будет главными проблемами российской жизни? А теперь совершенно очевидно, что вот этой главной проблемой становится вопрос о характере российского капитализма, каким он будет, как он будет эволюционировать.

Социализм оставляет нам в наследство очень необычную аномальную экономику и аномальное общество. В нем масса очень серьезных отличий от основных характерных черт устойчивых рыночных экономик. Ну скажем, экономика, доставшаяся в наследство, аномально энергоемка, в ней очень низка конкурентноспособность вырабатывающего сектора, в ней высока государственная нагрузка на экономику, в ней большие социальные программы для нашего уровня развития - очень необычная экономика. И вот эти структурные особенности задают собственную своеобразную логику развития, довольно четко ограничивают область возможных значений того, что может и чего не может происходить с экономикой России в ближайшие годы.

Если сформулировать предельно просто суть этих особенностей в нашей стране, в России очень много, аномально много государства и аномально мало общества.

Давайте сравним то, что происходит у нас с тем, что происходит в восточноевропейских странах, наиболее удачно решающих проблемы постсоциалистического развития, уже начавших экономический рост, уже начавших решение наиболее сложных социальных проблем постсоциализма. Мы увидим, что везде естественно и неизбежно происходит снижение государственной нагрузки на экономику. Рынок просто не выносит

такого порога, безумно порога государства. Но в Восточной Европе это снижение государственной нагрузки идет на фоне эффективных налоговых реформ, обеспечивающих равные и справедливое распределение налогового бремени, оно идет на фоне очень быстрого сокращения государственных дотаций и в этой связи сохранения или даже расширения государственных программ, позволяющих обществу адаптироваться к реалиям рыночной экономики. У нас процесс сокращения государственной нагрузки на экономику идет на фоне эрозии налоговой системы, превращающейся в решето, многочисленных налоговых льгот, делающих ее крайне неравномерной, сохранения масштабных и дорогостоящих дотаций, а значит все падение государственных доходов падает на социальную сферу. Значит постсоциалистический кризис оборачивается тяжелейшим кризисом образования, здравоохранения, пенсионной системы, всей системы социальных гарантий, которая и не может автоматически сокращаться при сокращении объема государственной экономической деятельности.

по существу инерция тянет нас в направлении слаборазвитости: плохая, дырявая налоговая система, низкие государственные доходы, высокая дотационная нагрузка, кризис образования, снижение в перспективе образовательного потенциала как важнейшего структурного преимущества. Все это реальные угрозы, если мы не переломим радикально развитие событий в России.

Надо понять, что при всех внешних признаках стабилизации, а они есть, структурное положение наше предельно неустойчиво.

Беда в том, что вот эта слолившаяся реальность, этот статус-кво, этот коррумпированный вороватый капитализм, он в высшей степени серьезно опирается на интересы мощных социальных групп. И не случайно. Кто заинтересован в том, чтобы вот такой статус-кво сохранялся. В этом заинтересованы крупные отраслевые лобби – от аграрного до топливно-энергетического, привыкшие либо распределять субсидии, либо распределять льготы. В этом заинтересована значительная часть новых богатых, богатство которых выросло вокруг бюджетных денег и которые заинтересованы в том, чтобы эти паровые бюджетные деньги были у них в руках.

В этом заинтересована очень широкая, значительная часть государственного аппарата, которая переплетена с коммерческими структурами и которая будет биться за свое право принимать индивидуальные решения в пользу той или другой фирмы, того или другого коммерческого предприятия.

Все это очень мощная коалиция, преодолеть сопротивление которой крайне сложно. По существу есть в области допустимых значений только два принципиально отличных направления, альтернативных по отношению к статус-кво. Их можно назвать довольно просто. Это больше социализма и больше либерализма. Социализм как альтернатива нынешнему статус-кво. Ну, конечно, можно попытаться решать нынешние проблемы России на основе увеличения государственной нагрузки на экономику. Больше государства, больше государственного регулирования, больше государственных социальных программ, больше государственного патернализма, больше заботы, больше чиновников.

Все это во многом в духе российских традиций. Все это то, что сегодня очень часто предлагается очень разными социальными и политическими силами, в программах от "Яблока" до Лебеда. И все это вместе с тем абсолютно тупиково экономически, потому что мы недостаточно богаты для того, чтобы у нас было больше социализма, потому что у нас очень мало есть на сегодняшний день, что распределять, потому что попытки и дальше увеличивать налоговую нагрузку на экономику абсолютно очевидно тупиковый путь, и понятно это по большому счету всем.

В наших конкретных российских условиях больше социализма еще надолго, пока мы не решим стратегические проблемы нашего

роста, будет оборачиваться в реальности другим: больше популизма, больше безответственных обещаний, больше эмиссионного финансирования, больше инфляции, значит реально больше бедности, больше социальной диспропорции. Угроза популистских экспериментов, связанных с псевдосоциалистической риторикой, к сожалению, в ближайшие годы в высшей степени серьезна в России, потому что надо понимать - при тупиковости этого пути экономически он имеет серьезную социальную базу. И чем в большей степени будет неэффективным нынешнее статус-кво, тем более серьезной будет эта база. Потому что база популистских экспериментов - это обездоленные, это те, кто не смог адаптироваться к рынку, приспособиться. Это крупные социальные группы, которые постепенно будут, наверное, смещаться от ортодоксального коммунизма в сторону социализма, и группы, которые надолго дадут электоральную базу социалистической альтернативе.

Политические партии и движения, которые реально находятся в этой социалистической нише, может быть не всегда осознают себя как партии социалистические, может быть даже не хотят себя называть партиями социалистическими. И тем не менее по жизни, по логике центр образования политической силы левее внешнего статус-кво неизбежно возникает вне зависимости от воли и желания тех или иных политических лидеров. Это одна альтернатива нынешней реальности.

Другая альтернатива нынешней реальности, если находиться в области допустимых значений, тоже предельно простая, она задана. Это либеральная альтернатива. Это то, что собственно и было

основой, идеологической основой нашей партии с момента ее основания. Стержневые идеи либеральной альтернативы в высшей степени ясны и они очень хорошо накладываются на каждодневные реалии российской жизни. Ведь что это такое? Это равные правила игры в экономике. Это ситуация, при которой все платят одинаковые налоги, а не так, что близкие к власти ^{не} платят никаких, а далекие от власти запретительно высокие. Это надежные гарантии частной собственности и четкое отделение собственности от власти. Это контроль общества над государством. Это четкие гарантии прав человека. Это ограничение налогового бремени, при справедливом и равном ее распределении. Короче говоря, это то, что позволило бы сделать российское государство более экономичным, менее обременительным для общества, менее коррумпированным, а общество более справедливым. Это то, что объективно необходимо России для того, чтобы запустить механизм устойчивого экономического роста.

Надо понять, что устойчивого экономического роста, социально сбалансированного экономического роста вне либеральной программы нет, не существует. Россия может сколько угодно долго болтаться в болоте слаборазвитости, но когда она наконец решит выбираться на дорогу к устойчивому экономическому развитию, все равно ей придется пойти по либеральной тропинке. Другого выхода из постсоциалистических реальностей нет.

Проблема либеральной политики и либеральной альтернативы предельно проста. База ее поддержки в России, к сожалению, только формируется. Она еще слаба. Кто традиционно в мире поддерживает либеральные программы, либеральную политику? К кому апел-

лировали лидеры, проводившие на деле либеральные реформы? Они апеллировали, как правило, к налогоплательщикам, к мелкой буржуазии, к среднему классу. Они говорили им: дорогие друзья, когда с экрана премьер рассказывает, какие государственные расходы он собирается предпринять, он имеет в виду, что он собирается залезть к вам в карман. Они говорили им: не можете ли вы лучше распорядиться своими собственными деньгами, чем чиновник распорядится, взяв у вас их в виде налога.

Короче говоря, база этой политики - это осознание налогоплательщиком собственных интересов. Это осознание классовых интересов мелкой буржуазии, которую так не любил и так боялся Ленин. Это осознание своих интересов средним классом. В России классовое сознание этих групп только-только просыпается. Они только начинают понимать сегодня, правда понимают, начинают понимать, что их интересы состоять отнюдь не в масштабном чиновничьем контроле. Они состоят именно в равных правилах игры, в низких налогах, в гарантиях частной собственности.

В наших российских условиях есть еще одна социальная группа, которая может быть опорой либеральной идеологии, интересы которой объективно совпадают в конкретных российских условиях с либеральной программой. Это группа, которая обычно в мире либеральную идеологию поддерживает весьма ограниченно. Это интеллигенция. Почему? Именно в силу специфики постсоциалистического мира. Ведь главное структурное преимущество России в борьбе за XXI век - это наши нефтяные ресурсы. Это временное решение. Это всегда исчерпаемо.

Главное наше структурное преимущество, конечно, это очень высокий уровень образования, культуры и науки, аномально высокий уровень образования, культуры и науки для страны в целом нашего, отнюдь невысокого уровня экономического развития.

И в этой связи для нас задача поддержания этого уровня науки, культуры и образования - это не только социальный приоритет, это не только то, что хотелось бы делать потому, что это справедливо. Это важнейший экономический приоритет. В этой связи любая либеральная программа для России осмысленная либеральная. Это программа одновременно снижения налогового бремени, это снижение дотационного бремени, повышение эффективности государственных расходов и одновременно перераспределение государственных ресурсов с поддержки неэффективных предприятий на наши важнейшие структурные приоритеты, на науку, образование, культуру.

Значит сегодня объективно, вне зависимости от осознания, от того, насколько нынешней интеллигенции нравится нынешний средний класс или среднему классу нравится интеллигенция, объективно возникает база для долгосрочного социально-политического союза.

Я убежден, что на нынешнем этапе будущее ДВР четко определено. Это будущее последовательной, жесткой, идеологической Программы четкой либеральной Партии, которая отстаивает либеральные ценности, которая не стыдится занимать очень жесткую позицию, идеологическую позицию, и которая, исходя из этих либеральных ценностей, строит свою тактику, определяет отношение к правительству, к Думе, к Союзу и т.д..

В этой связи - об отношении к правительству и к нынешнему составу Государственной Думы.

Правительство. Нынешнее правительство в своих прокламациях на протяжении последнего года переняло немало из либеральной риторики. Если вы посмотрите на то, о чем говорит правительство, то вы увидите очень много положений, которые были сформулированы нами и от которых два года назад отмахивались, как от какого-то непонятого бреда, начиная от финансовой стабилизации, которой теперь клянется правительство, и кончая военной реформой, необходимость которой теперь признана министерством обороны. Но ведь дело-то не в риторике, дело в практических делах. Первое время формирования правительства, первый 100 дней - это всегда в колоссальной степени определит, сделает что-нибудь правительство или нет. В правительстве немало людей, которые мне лично симпатичны и которые, наверное, хотят хорошего. Но что они сделают-то за эти первые дни?

Налоговая сфера - важнейшая проблема, важнейший приоритет. С самого начала правительство прокламировало, что налоговая сфера для него самое основное. Тактические и стратегические задачи. Тактика. Но у нас уже, по-моему, дворник знает, что бол

шая часть проблем с налогами сегодня - это налоговые недоимки у восьмидесяти крупнейших предприятий, из которых большая часть должников, у которых, что совершенно очевидно любому человеку, вышедшему из детсадовского возраста, есть деньги. Неоднократно говорил своим друзьям в правительстве: до тех пор, пока ни один нефтяной генерал, имеющий налоговую недоимку, не расстался со своей должностью, никто в России не будет платить налоги. Никто потому и не спорит - ни один человек мне не возразил... До сих пор все идет, как идет.

В программах правительства был у нас записан детальный аудит крупнейших нефтяных предприятий-неплательщиков. Где этот аудит? Но если вы реально можете, если у вас есть реальный выбор: либо вы даете правительству в долг под 50%, либо вы платите налоги, ну какой же разумный человек будет платить налоги? И одновременно, не решаясь тронуть "больших", не решаясь тронуть сильных, правительство говорит: ну вот теперь зато слабым мы уж покажем! Зато уж тем, кто не имеет таких мощных структур, вот тут-то мы уж вам уделаем одному!

На мой взгляд, это логика абсолютно тупиковая. Она просто никуда не ведет. Если правительство так и будет парализовано страхом задеть серьезные мощные группы по интересам, оно просто развалит нам всю налоговую систему, бюджет, и вся суэта с указами - она ничего ровным счетом здесь не поправит. Это надо просто понимать.

Земельная реформа. Да, конечно, она во многом заблокирована действующим законодательством, это правда. Но ведь был неплохой

Указ Президента о земельной реформе. Исно было: до президентских выборов ни то ничего делать не будет. Сейчас президентские выборы прошли. Где в регионах какая бы то ни было работа по реализации земельного указа Президента? Полная спячка! Ничего ровным счетам не сделано.

Наведение порядка в государственных расходах, закупочный Кодекс. Вы помните, наверное, что наша фракция была автором, инициатором принятия Закупочного кодекса. Закупочный кодекс - это мощнейший инструмент контроля за воровством государственных ресурсов. Да, нам не удалось провести его по вполне понятным причинам через Государственную Думу и, может быть, не удастся никогда. Но ведь Закупочный кодекс - это по существу документ для власти, для власти исполнительной. Там вообще закон не нужен, его постановлением правительства можно принять. Но в аппарате правительства Закупочный кодекс, по-моему, валяется уже месяца три. Где постановление о введении в силу Закупочного кодекса?

Реформа системы социальной поддержки, пенсионная реформа. Наша система социальной поддержки сегодня безмерно неэффективна. В ней колоссальное количество льгот, льготных категорий - и одновременно нет никакой концентрации ограниченных ресурсов на помощи самым бедным. Даже там, где у нас есть наши единомышленники - главы городских администраций, даже там, где на уровне города начинают первые шаги, чтобы сделать систему социальной поддержки более адресной, скажем, переходя от общей дотации на транспорт к адресным дотациям малообеспеченным, это позволяет получить эффект, примерно в 4-5 раз превышающий эффективность бюджетных расходов. Да, это тяжелый вопрос. Пенсионная реформа, реформа социальной системы - это тяжелый вопрос, потому что все

всегда согласны с необходимостью помогать бедным, никто никогда не согласен с тем, что какие-то из существующих неоправданных льгот надо отменять. Но именно сейчас правительство, которое только сейчас сформировано, а Президент, сформировавший его, получил мандат доверия, и должно было разработать и представить проект такой реформы. Нет лучшего времени, чем сразу после выборов, для того чтобы всерьез приступить к решению такого тяжелого вопроса. Где какие бы то ни было осмысленные инициативы правительства в области социальной политики? Нет этих инициатив!

Регулирование естественных монополий. Я думаю, у всех сейчас перед глазами кризис в Приморье, и он даже для неэкономистов высветил огромные проблемы, огромные возможности для махинаций и коррупции, которые возникают при неадекватном регулировании естественных монополий. Если действительно кто-то по своему усмотрению может сказать, что ты будешь платить за электричество в 10 раз больше, а ты - в 10 раз меньше... Значит, я по своему усмотрению могу закрыть предприятие и остановить предприятие. После этого мой директор просто на коленях будет стоять у меня в кабинете - или он должен уходить, закрываться немедленно... Это именно то, что было сделано в Приморье вопреки закону. То, что естественные монополии должны быть жестко подвержены регулированию, главная задача которого - обеспечение равных правил игры, по моему, сегодня прекрасно понятна по крайней мере всем, кто работает в промышленности.

Принят Закон о естественных монополиях, началось формирование органов руководства естественной монополией. Я знаю, как они формируются. Это типичная российская история про то, как

козла запускают в огород: берут самых откровенных лоббистов соответствующих естественных монополий - и их ставят регулировать естественные монополии. Первое, с чем вопля, скажем, комиссия, призванная регулировать энергетику, - это безумная идея о повышении тарифов в 1,6 с лишним раза при инфляции меньше одного процента в месяц. Но так ведь можно взорвать экономику вообще, элементарно!

Военная реформа. да, я очень рад, что Министерство обороны начало произносить слова, что министр обороны начал произносить слова, которые мы говорили в течение последних двух лет. Это замечательно! Но очень страшно, что слова-то новые, а дела-то будут старыми. Мы за последние четыре года вынужденно сократили оборонные расходы более чем в пять раз. У нас, по-моему, не закрыто, если память мне не изменяет, ни одного военного училища. Значит, мы на годы закладываем, закладываем на перспективу нищую, обделенную, недовольную, неэффективную, небоеспособную армию. Способно будет правительство всерьез взяться за этот вопрос? Посмотрим. Пока будут судить по делам, а не по словам.

В целом я очень боюсь того, что правительство упускает, опасно упускает самое благоприятное время для реализации хотя бы тех реформ, необходимость которых оно само уже признало. Да, я понимаю, сказывается болезнь Президента, есть время и желание. Ну давайте подождем, давайте отодвинем... Так элементарно можно прождать все и оказаться в положении людей, ничего не сдававших, ни к чему, соответственно, не способных, а значит - политических неудачников. Очень хочу надеяться, что нынешнее правительство все-таки эта судьба не постигнет.

Да, конечно, на работе правительства очень негативно сказывается его явно коалиционный характер и, соответственно, влияние нынешней Госдумы. Диалог с этим своеобразным институтом, конечно, не помогает сделать политику правительства эффективной. Заигрывание, скажем, с аграриями не способствует успеху аграрной реформы.

В этой связи многие наши коллеги, единомышленники, особенно, надо сказать, наши депутаты, те, кто вынужден работать в этой Думе, ставят вопрос о том, что мы должны использовать имеющийся в наших руках инструмент влияния для того, чтобы подвести дело к как можно более быстрому, досрочным выборам парламентским. Да, есть аргументы в пользу этого решения. Я убежден, что сегодня коммунистам не удалось бы получить столько голосов, сколько они получили в декабре 95-го. Я убежден, что, если выборы состоятся, то Дума будет лучше. Я практически убежден, что нам удастся создать в ней нашу либеральную фракцию. И все равно я не могу согласиться с аргументами тех, кто призывает сегодня к досрочным парламентским выборам по следующим основаниям. Первое. Говорят, правительство не может проводить реформы, не может реформировать законодательство без нормальной Думы. Да правительство и президент в колоссальной степени еще не исчерпали тех возможностей, которые у них в руках, того, для чего никакая Дума и никакие законы не нужны. И это все умные люди понимают. Поэтому, если завтра скажут, вы знаете, нам связали руки, мешают работать, давайте проведем досрочные выборы, — да все же поймут, что это неправда, что не сделано то, что абсолютно можно было сделать в рамках законодательства. А значит, во всяком элементе лукавства всегда есть и элемент долгосрочного политического поражения. Да к тому же надо учесть и другое — страна устала от выборов. И на выборы, которые непонятны, не очень очевидны по необходимости обществу, ну просто она плохо реагирует.

В этой связи, я убежден, сначала надо добиться того, чтобы правительство, президент сделали хотя бы самое очевидное, самое простое из того, что в полной степени зависит от них. Вот тогда будет ясно, что мы уперлись в стену закона, что дальше невозможно двигаться без законодательной поддержки. Тогда только можно ставить вопрос о досрочных выборах. И тогда это будет не элемент политической интриги, а понятная обществу позиция.

Важнейшие направления практической работы Партии на ближайшее время, как они мне видятся. ДВР всегда была программным лидером. Если вы сравните наши программные документы и время, когда те или другие идеи становились общепринятыми, вы увидите баланс. То, что мы говорили два года назад, через два года начинают говорить многие политические силы, люди. И я думаю, что это все нормально, и самое глупое в таких случаях — это обижаться, говорить, ну как же так, это мы первые сказали. Слава Богу, я всегда радуюсь, когда люди, которые пять лет назад на дух не принимали того, что мы говорим, сегодня говорят: ну кто же не понимает этих элементарных вещей, это банальщина. Ну так эту позицию надо сохранять. Если сегодня это стало общепонятным, общепринятым, значит, мы должны развернуть очень серьезную именно интеллектуальную работу над подготовкой нового этапа либеральных реформ, программного обеспечения его не только на уровне идей, но на уровне конкретно разработанных документов, проектов законов, на всех уровнях, не только федеральном, но и на местном уровне. Я считаю, что вот это интеллектуальное лидерство в либеральной нише, сотрудничество со всеми политическими силами, способными

разделить бремя этого интеллектуального лидерства, остается одной из важнейших задач ДВР как либеральной Партии.

Второе. Это, конечно, пропаганда либеральной идеологии. Как вы помните, Ленин в свое время говорил о привнесении классового сознания в ряды рабочего класса. Вот сегодня у нас тяжелая задача — мы должны привнести классовое сознание мелкой буржуазии, среднему классу, короче говоря, всем тем, кто действительно объективно заинтересован в реализации либеральной программы, но, может быть, еще не понимает этого. Вот достучаться до них, объяснить им, у нас общество совершенно искалечено изуродованной картиной мира. Ведь у нас на протяжении десятилетий не было образования, кроме марксистского. У нас марксистское образование шло с детского сада. И никакого другого гуманитарного образования до университета, да потом послеуниверситетской подготовки, до аспирантуры не существовало. То есть у нас общество сформировано только в таком шаржированно-марксистском мировоззрении. Сейчас всем ясно, что шаржированно-марксистское мировоззрение развалилось, ну нет его больше, не отвечает оно ни на один вопрос. Но ведь это же страшный идейный кризис вообще для общества. Ведь когда у тебя нет никакой картины мира, ты просто теряешь ориентиры, это тяжелейшее ощущение. Если вы почитаете газеты сегодня наши, либеральные газеты, где пишут наши друзья, либеральные журналисты, вы увидите колоссальную волну проблем, связанных именно с тем, что они не понимают, что происходит, стратегически не понимают, они не понимают мира, который формируется, они не понимают того, что связано с прошлым, куда это будет

идти, как будет эволюционировать. А если это так, то неизбежно скатывание в цинизм, в ерничество и т.д. Мы должны сделать все, что мы можем, для того, чтобы сформировать другое, альтернативное, не марксистское, видение мира, внутренне логичное, целостное, которое позволяет людям отвечать на вопрос: что было с нами, что с нами сегодня происходит, где наши основные проблемы, куда мы идем? Это тяжелая задача, мы только-только приступаем к ее решению. Но это важнейшая долгосрочная задача Либеральной Партии.

Третье - права человека. Это естественно для Либеральной Партии, это всегда один из важнейших приоритетов. Те, кто работали депутатами на разных уровнях, работают депутатами сегодня, знают, какая колоссальная проблема связана с тем, что сегодня людям некуда пойти и пожаловаться, даже по своим законным правам. А есть ведь люди, которые требуют невозможного, а много людей, которые имеют свои законные, абсолютно оправданные, реализуемые права, но в условиях нашего коррумпированного государства, где без взятки и свои-то права не реализуешь, им некуда податься. Вот сегодня, используя все наши позиции и на местах, и в федеральных органах власти, я убежден, мы должны сделать все возможное для того, чтобы ДВР стала Партией не только идеологической, но и практически защищающей права человека. Это важнейшее направление работы. Если мы сумеем его поставить вместе с нашими союзниками, вместе с теми же самыми "народными домами", это очень серьезно будет работать на практический авторитет Партии.

И еще одна политическая проблема, если уж я заговорил

о правах человека, связанная с этим вопросом. Наши друзья, коллеги, правозащитники сделали очень много для того, чтобы бороться за права человека в Чечне, для того, чтобы остановить там войну. Вот сегодня, анализируя то, что происходит в Чечне, я считаю, что нашим важнейшим приоритетом сегодня должна стать защита прав человека в Чечне, но, как всегда в таких случаях, защита прав меньшинства, защита прав слабых. Если год тому назад нашей главной заботой было то, чтобы не бомбили, не убивали людей, то сегодня главной заботой становится, чтобы не было преследований по политическим мотивам, чтобы было сформировано правительство, которое действительно отражает компромисс в чеченском обществе, чтобы не произошла организация чеченского конфликта, чтобы выборы, которые там пройдут, прошли в условиях, когда они могут быть свободными и справедливыми, не были сфальсифицированы. В этой связи я разговаривал с Сергеем Адамовичем Ковалевым, он будет выступать в Страсбурге, я очень важным считаю наше внимание вот в этой ситуации к этой стороне прав человека в Чечне. Если мы этого не сделаем, если мы четко не обозначим эту позицию, мы возьмем на себя огромную моральную ответственность. И в этой связи, я думаю, что мы в самое ближайшее время должны будем продумать, какие конкретные инициативы мы должны предпринять для того, чтобы продвигать развитие событий в эту сторону.

Поддержка малого и среднего предпринимательства. Да, конечно, это естественная классовая опора либеральной политики, и мы должны сделать максимум возможного для того, чтобы малый бизнес начал воспринимать нас как Партию, которая заботится

о его каждодневных интересах. В каждом городе, в каждом регионе есть несколько элементарных, простых вопросов, самых жгучих и самых важных, собственно, не для одного мелкого предпринимателя, который хочет получить льготу от главы администрации, а собственно для малого предпринимательства. Нам надо научиться делать то, что мы умели делать далеко не всегда, научиться разговаривать с лавочниками, научиться разговаривать с мелкой буржуазией, учиться понимать ее проблемы и делать все возможное для того, чтобы эти ключевые проблемы решать.

Один из наших коллег и единомышленников говорил, что мы должны стать Партией крупного капитала. Но просто развитие событий показало, что мы никогда не будем Партией крупного капитала. Крупный капитал в современной реальной России - это всегда капитал, связанный с властью, капитал, богатство которого не либерально по своей природе, скажем так. А вот то, что мы должны стать Партией в высшей степени близкой к малому и среднему предпринимательству - в этом я абсолютно убежден. (Аплодисменты).

И есть одна общая проблема для малого и среднего предпринимательства, общая и абсолютно соответствующая нашей идеологии - это практическая борьба за равные правила игры. Очень часто, когда ко мне приходят люди, я никогда не брался лоббировать никакие структуры и никогда не брался за подобного рода вещи, единственное, что я всегда пытаюсь сделать в меру моих сил, когда мне говорят, - ну, хорошо, я ничего не прошу для себя, я не прошу ничего, я прошу только одного, чтобы мой конкурент работал в тех же условиях, что и я. И вот это, то, что в полной мере соответствует нашему мировоззрению, это то, за что мы должны бороться и за что должны бороться организации, идеологически близкие к нам, такие как, скажем, Ассоциация приватизированных предприятий.

Участие в местных выборах.

Сейчас идет тур подготовки к выборам глав администраций в областях, в ряде крупных городов, местные выборы в органы власти. Важнейшая кампания, мы, естественно, должны принимать в ней участие.

Мы - реалисты, мы прекрасно понимаем, что мы не можем веаде, не то что веаде, а в большинстве регионов мы не сможем провести кандидатов, которые являются собственно нашими единомышленниками-либералами. Это те выборы, на которых мы вынуждены вести диалог с партией власти, и мы ведем этот диалог, пытаюсь в том числе убедить партию власти в том, что отдельные ее кандидаты категорически неприемлемы не только для нас, но и для них самих. И по отдельным направлениям, - не всегда, к сожалению, - нам это удается.

Вместе с тем, я должен сказать, что мы категорически не приемлем практику диктата. Там, где мы можем договориться - мы договоримся. Но если есть смысл, что ДВР, ОКС можно превратить в орган, который будет как каучуковый штампель штамповать поддержку всех действующих вдав администраций - Горячева в Ульяновске, ивановского главу администрации и т.д. и т.д. - этого не будет, этого не будет ни при каких обстоятельствах, в крайнем случае мы будем вынуждены поставить вопрос о членстве в ОКСе, если нам будут пытаться навязывать заведомо, категорически неприемлемых для нас кандидатов. Тем более, что мы от-

нюдь не одни в этом положении, тем более, что есть другие партии и движения, которые в общем, примерно, так же, как и мы смотрим на практические, персональные проблемы, связанные с поддержкой. Я надеюсь, до всего этого не дойдет. Надо сказать, что диалог есть, надеюсь, что он будет продолжен.

Практическая работа в местных органах власти по реализации реформы.

Хотя далеко не везде мы сильно представлены в органах власти, но есть немаловажные структуры, где ДВР представлен хорошо. Ну, скажем, Московская городская Дума, где реально наша фракция крупнейшая, имеет большинство. Есть администрации городов, которые возглавляют наши единомышленники, члены ДВР. Вот очень важно добиться одного: что когда кто-то из наших единомышленников получает серьезные возможности работать - это не было бы его личным, частным делом, а это было бы всегда платформой для реализации последовательно либеральной идеологии. То есть, мы должны создавать набор как бы примеров, показывающих, что можно сделать в нашем направлении, если ты находишься у власти, какие серьезные подвижки ты можешь произвести. Да, тяжело, конечно, особенно если ты не царь и Бог, а один из людей, работающих в администрации, и тем не менее, мы должны задавать как бы общий ориентир: а для чего мы, собственно, привели его во власть? Не для того, чтобы он пере-

сел в хороший, красивый кабинет и пересел на черную "Волгу"?! Мы привели его для того, чтобы он боролся за нашу идею, за наши основные программные принципы. Но значит одновременно мы должны ему и помочь, мы должны адаптировать то, что мы знаем и умеем, то, за что мы боремся, к конкретным условиям конкретного региона. Это очень серьезная задача, не простая, но ею надо обязательно заниматься.

Вопрос политических союзов.

Мы были самими, наверное, последовательными, может быть, даже надоедливymi сторонниками лозунга "Единство демократии". И в ситуации, как она складывалась до 3 июля, я считаю, это было правильным, потому что ясно было: да, главная угроза - коммунисты, угроза очень серьезная, любые внутридемократические разборки - это просто прямой подарок коммунистам.

Очень жалею, что нам не удалось создать такой демократический блок или такую коалицию на парламентских выборах. Ясно, что состав Думы был бы гораздо лучше, чем он сегодня. Вместе с тем, сегодня, именно потому что мы были главными защитниками этого лозунга, я думаю, что мы первыми должны сказать: лозунг "единство демократов" исчерпан. Нет больше такого лозунга, он сегодня бессмыслен. Дело в том, что у нас очень своеобразные вещи происходят со словами. Сначала слово "демократ" было очень хвалеб-

ным, потом стало очень ругательным, а после 3 июля снова стало хвалебным. У нас теперь никто не ругает демократов. Ругают лжедемократов. Сейчас все демократы. И если посмотреть на существо тех выборов, перед которыми мы стоим, так есть те люди, которые стоят левее, статус-кво называют себя демократами, люди, которые либеральные, статус-кво называют себя демократами. Что такое сегодня демократические? Ну да, объединение каких-то усилий, чтобы не допустить коммунистов к власти, может быть, да, я не исключаю. Но еще раз подчеркиваю: по стратегическим вопросам лозунг "Единство демократов" сегодня аморфен, он ничего не говорит, ничего не показывает.

В этой связи, я думаю, мы должны поставить совершенно другую задачу. Мы должны поставить задачу создания коалиции сил, которые идейно близки, которые разделяют наши либеральные ценности, которые готовы вместе за них бороться, которые их не стыдятся, которые готовы были бы отстаивать вместе с нами эту либеральную альтернативу нынешнему статус-кво. Тогда это политическое объединение будет не случайным, не однодневкой, созданной по непонятно каким конъюнктурным соображениям, потому что один лидер подружился с другим, а сегодня разругался с третьим, а это будет серьезный, прочный идеологический союз, из которого может быть с течением времени вырастет и более прочное, крупное либеральное политическое объединение.

34а

Я думаю, что это должно быть основой любой нашей работы в области политических союзов и именно исходя из этого мы будем вести консультации и работу по формированию либеральной коалиции.

Дорогие друзья, в ноябре 91-го я был назначен в Правительство, и вот почти все это время мы жили в условиях такой вот спринтерской гонки – вот сейчас, вот успеть, вот несколько месяцев, но добиться, чтобы это было запущено, чтобы рубль стал конвертируемым, чтобы это заработало, чтобы финансовая цивилизация прошла, чтобы цены остановились, чтобы все-таки коммунисты не прорвались к власти – мы все время жили в условиях спринтерских дистанций и коротких временных интервалов. Вот сейчас надо для себя понять – после 3 июля изменился режим времени. Вот сейчас наши задачи они становятся не спринтерскими, а стайерскими. Борьба за либеральные реформы в России это не вопрос месяцев или нескольких лет, это вопрос длинной-длинной исторической перспективы.

Я не знаю, как будет конкретно называться политическое объединение, которое придет к победе либеральных ценностей, как будут звать лидера этого политического объединения, но я абсолютно убежден в том, что у России нет другого пути устойчивого экономического развития вне либеральной альтернативы. Значит раньше или позже, сколько угодно пометавшись, попробовав социалистических и популистских экспериментов – все равно она на этот путь выберется, как выбирались другие страны, экспериментировавшие с подобными моделями.

В этой связи, да, надо понять – борьба за либеральные ценности в России не даст нам краткосрочных политических дивидендов, но это стратегически единственный путь и значит путь об

нд

30

реченный на победу.

Дорогие друзья, разрешите мне на этом закончить свое выступление.

/А п л о д и с м е н т ы/

В.И. ТАТАРЧУК

Есть предложение вопросы в соответствии с регламентом подавать в письменном виде, и время для ответа на вопросы у нас будет.

Е.Т. ГАЙДАР

Спасибо.

Уважаемые коллеги, я предоставляю слово Валентину Ивановичу Татарчуку для отчета по работе Исполкома.